

ДМИТРИЙ БАТРАКОВ

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Зимняя ночь, ночь морозная.
Небо далёкое, звёздное.
Окна в узорах рисованных,
В лёд все дороги закованы.

Зимняя ночь, ночь холодная.
Вьюга кружится голодная.
Снега сугробы глубокие,
Ветра напевы высокие.

Зимняя ночь, ночка длинная
Русь обнимает былинную.
И во кольчугах, как воины,
Ели в шеренги построены.

Сосны обходят дозорными
Степи с полями просторными,
И богатырскою вольницей
Рощи дубовые смотрятся.

Зимняя ночь, необычная,
Грани стирает привычные...
Сказка и быль сочетаются.
Ночью так славно мечтается!!!

* * *

Белой метлою зима-госпожа
Ленты дорог заметает.
Вьюга-котёнок, по небу кружа,
Лунный клубочек катает.

Нити узоров художник-мороз
В окнах рисует стеклянных.
Ветви берёз и сплетения роз,
Отблеск рассветов румяных!

Во поле дети играют в снежки.
Светлое утро настало!
Пряха-зима вновь вплетает стежки
В снежную ткань-покрывало!

Время сквозь пальцы течёт, как вода,
К вечеру утро стремится.

Пусть же незваная гостья — Беда —
К нам на порог не стучится!

ЧАША ЗЛА

Чашу зла глотками быстрыми
Осушил Иисус Христос.
Ночь отсвечивала искрами
С неба падающих звёзд.

Да, испил он с верой стойкою
Всё до дна, но, в радость мгле,
Не исчезла чаша горькая —
Покатилась по земле.

Льётся грязью мерзкой, низменной
В чашу эту каждый грех.
Век за веком кто-то избранный
Пьёт её один за всех.

Пьёт, и зло от страха пятится,
Но всё так же мы грешим,
И опять та чаша катится,
Заливая свет души.

Не исчезнет, не расколется
Сердца глупого кумир.
Если чаша переполнится —
Зло утопит этот мир.

г. Москва

МАРИНА ВОЛКОВА

ПАХНЕТ ДЫМОМ — ТОПЯТ БАНИ

Пахнет дымом — топят бани,
В ярких звёздах окоём.
Запряжём-ка, милый, сани
Да прокатимся вдвоём.

Вьюги вслед бегут за нами,
На виду у всех людей.
Наши сани едут сами —
Мы жалеем лошадей.

По такому-то простору
Лёгок путь и ровен снег.
Как красив по косогору
Нашей тройки резвый бег!

Вслед саням кивают ёлки,
Впереди метель летит.
Как хрустальные осколки,
Искры бьют из-под копыт.

Нас несёт неосторожно
Ввысь, к рассветному костру.
Кто сказал, что невозможно
Целоваться на ветру?

Рук не жалко, губ не жалко,
Коли любишь — всё снеси.
Лют мороз, а сердцу жарко,
Вольно сердцу на Руси!

Встал восход. Над лесом — ясно,
Деревá — как терема.
И раздольна, и прекрасна
Наша русская зима!

ПРОСТОЕ, ДЕРЕВЕНСКОЕ

Заметает наш маленький сад
Золотая метель листопада.
У меня есть особенный взгляд,
Когда нежности прятать не надо.

Так смотрю я на спящих детей
В тёплых стенах родимого дома,
Чуть уставших от игр и затей,
Разомлевших в объятиях Дрёмы, —

С тихой лаской, бескрайне любя,
Словно глядя, рукой не касаясь...
А ещё так смотрю на тебя,
В бесконечную даль улыбаясь.

Позабыв про пустые дела,
Взяв в помощники Месяц да Ветер,
Я под вечер пирог испекла
С земляникой, как память о лете.

Как отрадна негромкая речь
Угольков в очаге раскалённом!
Пышет жаром белёная печь,
А в окно так светло и влюблённо

Запоздалые звёзды глядят,
Провожая задумчивый Вечер...
И у звёзд есть особенный взгляд,
Обещающий счастье и встречу.

г. Санкт-Петербург

ЕВГЕНИЙ КУЗЬМЕНКО

* * *

“Здесь ничего не дают за деньги.
Здесь даже нищим целуют руки.
Только не думай, что всё задаром
В нашем селенье”, — мне говорили.

Шёл я и думал, а что мне надо?
Нёс за своей спиной гитару
И удивлённо смотрел на двери,
Не замечая замочных скважин.

Я брал гитару и пел о счастье,
Тут же меня окружали люди.
Сколько ты хочешь за эти песни? —
Я отвечал им: “Поесть немного”.

Меня к столу приглашали. Пахло
Душистым хлебом, вином, дровами,
Пельменями и слегка бензином,
Видимо, близко была дорога.

Я ел охотно. Они сидели
Рядом. И ждали, когда спою я.
Потом я пел им до поздней ночи,
Мне это было совсем нетрудно.

Потом они говорили: “Хватит.
Скажи теперь нам, откуда шёл ты?
Какой дорогой, куда стремишься,
И как случилось, что ты без друга?”

Я отвечал им, откуда шёл я,
Какой дорогой, в какие дали,
Но, как случилось, что я без друга,
Не объяснял я — мне было стыдно.

Они меня за это прощали.
Женщина в чёрном гасила свечи.
Женщина в сером постель стелила.
Женщина в белом ложилась рядом.

Ну, а мужчины хоккей смотрели.
Всё мне, конечно, казалось странным.
К тому же женщина повторяла:
“Только не думай, что всё задаром!”

КУВШИН

Сырой кусок поверхности земной
Я положил на круг гончарный мой.

И завертелся мой гончарный круг.
И глина подчинилась воле рук.

Огонь мою работу довершил.
И получился сказочный кувшин.

Его отдал я лучшей на земле.
И вот ты носишь воду в нём.
Не мне...

ЧУЖАЯ МАТЬ

(На Ярославском вокзале)

“...Я вам верну, я отпишу,
не милостыню же прошу”, —
металась женщина по залу,
простоволоса, без платка.
И видно было, как устала
и что сама издалека.

А мимо, сбившись в косяки,
текли разбухшие мешки
к своим тяжёлым поездам.
“Я вам верну, я вам отдам...”

И жажда мучила людей,
торчащих из очередей.
Но нет, не вышел ни один
лицом — как дочь,
душой — как сын.

До них ещё ей, как до рая, —
то ли в Тюмень, то ли в Читу.
То дочь пропишет: “Мам, рожая...”
То сын торопит: “Мама, жду...”
И едет, путая вагоны
На пересадках, где уж тут...

“Возьми билет, зажми в ладони.
Теперь не многих дети ждут...”

И поезд тащится сквозь сумрак
к какой-то станции-свече.

И пассажиры среди сумок
дремали, будто на бахче.
Иные в тамбуре курили,
и я курил, себе не рад.
И тридцать лет меня давили,
как сорок или пятьдесят.
И всё казалось — на вокзалах,
будто опавшая листва,
страна до омертвения сжалась,
до отрицания родства.

МАНЕРА

Этот город я принял на веру,
как десятки селений окрест.
Может, это дурная манера,
но, простите, какая уж есть.

Тут любая бесплодная самка,
лишь ступив из соборных дверей,
понесёт от Тюремного замка,
как от князя бунтарских кровей.

Вместо каменных стен и собора
здесь не строили терема,
но для каждого ката и вора
будет храм, а за храмом — тюрьма.

И, особо ничем не блистая,
буду я утверждать без стыда,
что отсюда пошла золотая
и любая иная орда.

г. Тобольск

ГАЛИНА МАЛЬЦЕВА

* * *

Что это — смерть у дрожащих осин
Старым погостом замшела?
Что это — ветер коснулся руин
Церкви, склоняясь без дела?

Тихо дичает, томит красота
Старых полей и покосов.
Этой земли теплота, доброта...
Детство помашет с откоса,

Прытко сбежит по наклонной тропе,
И поминай, как нас звали,
И вспоминай о былом о себе,
Думай о том, кем мы стали,

Видя заросший заброшенный сад,
Чувствуя близкие грозы.
Вместе с дождём попадают в глаза
Прежние детские слёзы.

Не от обид на кого-то, о нет,
Не от разбитой коленки,
А от того, что прошло много лет,
И беспокойные стрелки

Дальше уводят. А в старом дому
Нет о тебе и намёка.
Весь ты нездешний, прожжённый, в дыму
Жизни иной и далёкой.

КОЛОДЕЗНЫЙ ЖУРАВЛЬ

Вода сластит, и жаждущие губы
Мои припали к стылому ведру.
Колодезный журавль серогрудый
Поскрипывает шеей на ветру

И тянется туда, где журавлиный
Путь завершён. Весенняя пора
Сбивает с толку, льётся песней дивной
И открылённо манит со двора.

Журавель мой, в укромные болота,
Где дикие сородичи твои,
Ты просишься тоскливо, даже кротко,
Чтоб почерпнуть миг счастья и любви.

г. Москва

МИХАИЛ БАЗИЛЕВСКИЙ

* * *

Здесь деревья, склоняясь, молчат о своём.
Здесь корнями распорота слава земли.
Только души, срезая земной окоём,
По великому пламени ходят вдали.

За звездой, как на плаху, ступает звезда,
И у каждой — по миру лежит за спиной.
И гудят провода, и ползут поезда
Над распахнутой почвой, над солью земной.

А когда, припадая к земле, тишина
Порастает быльём в придорожной пыли,
Как живую, её пререзает струна...
Только души всё ходят и ходят вдали.

* * *

Ю. Кузнецову

Пушкина нет. С этим, право, бессмысленно спорить.
Пушкина нет. Чаадаев покинул сей мир.
Что остаётся? Тихонько окошко зашторить
И аккуратно на спинку повесить мундир.

Лечь на диван, на котором сходились когда-то
Два соплеменника, вольно смыкая сердца.
Лечь на диван по особому праву собрата,
Томик раскрыть и читать, и читать без конца.

г. Иркутск

ЛЮБОВЬ ЛАДЕЙЩИКОВА

ПОЛОН

Тишина растоптана, а звук,
Тот, протяжно-русский и певучий,
Взят в полон, как в сатанинский круг, —
Сверхдинамик бьёт страшней и круче

Всех небесных и земных стихий,
Что там ураганы, смерчи, громы?!
Рвутся перепонки у глухих,
Стены содрогаются у дома...

Где ты, звук чистой красоты?
Сплюснен мозг у городов и весей,
Грохот запредельной частоты
Полонил полёт раздольных песен...

Что нас ждёт? Какие времена?
Если душу вынуть у народа, —
Рвётся одичавшая струна
Под напором бешеной свободы...

ВРЕМЯ

1

Всё стало и явным, и ясным,
Лишь пасмурно Солнце в груди...
А было незнание — прекрасным,
И ветер, и снег впереди!

Любовью большой, обоюдной,
Хотелось весь мир обнимать:
Ещё я не знала, как трудно
Всё видеть и всё понимать.

2

Слизнёт меня время, как волны песок,
Затянет в свою глубину.
...Минуты бессонно стучатся в висок
И ласково тянут ко дну.

Природа себя обмануть не даёт,
Хоть я и поспорила с ней...
И нет никаких привилегий и льгот
У жизни и смерти моей.

г. Екатеринбург

ДМИТРИЙ ТРИБУШНЫЙ

* * *

Над городом гуманитарный снег.
Патрульный ветер в подворотнях свищет.
“Убежище” — читает человек
На школе, превращенной в пепелище.
У всякой твари есть своя нора.
Сын человеческий может жить в воронке.
Артиллеристы с самого утра
Друг другу посылают похоронки.
Ещё один обстрел — и Новый год.
Украсим ёлку льдом и стекловатой.
И Дед Мороз, наверное, придёт
На праздничные игры с автоматом.

г. Москва

* * *

Звони, Донбасс обетованный,
На самый верх.
Пророки обещали манну,
А выпал снег.

Мужайся, город непорочный,
Где каждый дом
Проверен “градами” на прочность,
Крещён огнём.

На час открыли херувимы
Ворота в рай.
Гори, Донецк неопалимый,
И не сгорай.

г. Донецк

ЕВГЕНИЙ АРТЮХОВ

* * *

Сквозь перекрестие прицела
душа на волю поглядела,
а воля вольная в крови.
Идут сраженья под Донецком,
и, будто бы в кольце немецком,
рыдают ближние твои.

Идут сраженья под Луганском,
где тоже завоняло Гансом,
зашевелившимся в гробу.
И всё долбят, и всё корёжат
тот камень, что в веках положен
под нашу общую судьбу.

И, как обрыдлая реклама,
езде свой нос суёт Обама
с кутком оуновских щенят.
И я на возраст свой в обиде,
за то, что в ротной пирамиде
мой истомился автомат.

ВДОВА

И не жива, и не мертва,
в платке слепом, как ночь,
двадцатилетняя вдова
идёт со сцены прочь.

Коробка алая в руке
как будто жжёт ладонь,
а взгляд блуждает вдалеке
куда-то посолонь.

Ей орден только что вручил,
каким отмечен муж,
приехавший столичный чин,
растрогавшись, к тому ж.

В жалельщиках не он один,
да трудно чем помочь:
в кроватке — годовалый сын,
под сердцем дышит дочь.

А муж ушёл к земле сырой
от молодой жены.
Твердят вокруг, что он герой
и все ему должны.

А счастье? Первые азы
и... не вернёшь назад...

На самом дне её слезы
ищите Китеж-град.

г. Москва

КАРИНА СЕЙДАМЕТОВА

* * *

То тюркская, то скифская царица...
Две крови древних напитали вены,
Сражаются, вращая жизни ось,
В них страсть и нежность, доброта и злость.

Две стороны одной луны мерцают.
И я за обе, как могу, молюсь...
Когда клянут друг друга Золотая
Орда-беда и грусть-Святая Русь.

Наследье предков — роковая мета!..
Не потому ль характер мой суров?
В нём царствует татарин Сейдаметов
И властвует казак Пономарёв.

Правители судьбы моей строптивой,
Два рода: кочевой и боевой —
Кресало и кремь, а я — огниво
Фамильной жгучей связи родовой...

* * *

Белый сокол, чёрный ворон —
Два исчадия войны.
Кто нам друг, и кто нам враг?
Нам, просившим тишины?

Даль туманную заснежит
Полночи и полдня взвесь.
Тошно жить и злобу нежить,
А судьбины не отвесь!

В светлой жизни, мрачной смерти —
Розы не свежее ран...
Вона, как крылами вертят,
Смерьте гнев, гордыню смерьте,
Белый сокол, чёрный вран!

Чтоб в бою и на гуляньи,
Побеждая непокой
Постоянством, покаяньем,
За терпенье — воздаянием
Брезжил свет в душе людской!

г. Москва

ЕКАТЕРИНА ПОЛУМИСКОВА

* * *

Ветры вьюжные век колобродили
на задворках вселенской глуши.
Но кружили метелью мелодии
по нехоженным тропкам души.

И дороги, которые пройдены
от истоков до края земли,
и просторы бескрайние Родины
нежной песней на сердце легли.

Там, где клонятся травы звенящие
и, как в зеркало, смотрятся в пруд,
там, где песни поют настоящие,
настоящие люди живут.

Светом солнечным льются над сёлами
и возносятся вновь к небесам
песни грустные, песни весёлые —
те, что с детства так дороги нам.

И пускай всё сложнее, всё чудеснее
нашей жизни шальной хоровод.
Если живы народные песни,
Значит, жив ещё русский народ!

* * *

На Казанскую — холодно.
Ветер морозный,
“триколором” играя, полотнище рвёт
вопреки триединству. Но каяться поздно.
Оттого ли безмолвствует снова народ?

Ветру всё нипочём — бесшабашный проказник,
он по снежному городу мечется зря.
Был один — стал другой государственный праздник
в первых числах неистового ноября.

Не беда, что сегодня неймётся кому-то,
ведь родную историю вспомнить — не грех.
В знак того, что когда-то посеяли “смуту”,
нынче манною с неба срывается снег.

И скорбим о былом...
Непривычно и дико.
“Варшавянки” мотив кто-то вспомнит не в лад.
И как будто не к месту алеет гвоздика,
и в Андреевском храме к обедне звонят.

г. Ставрополь

АЛЕКСАНДРА АЛИДАРОВА

* * *

Что мне возвращаться домой, Господи.
Ведь не ждёт никто меня там, Господи.
Если и заглянет как-то — лунный свет.
Больше никого-никого, Господи.

Всё же возвращусь я домой, Господи,
Если больше нигде мне быть, Господи.
В красном уголке образам поклонюсь —
И с молитвой лягу — усну, Господи.

РУЧЕЙ

Течёт ручей,
Я кувшин наполняю водой.
Песню ручья
В кувшине забираю домой.

Скорбит вода:
“Мне тесно в кувшине твоём,
Дай волю, дай,
Пролиться в потоке родном!”

* * *

Вот и осень, сжато поле,
Скошен луг, и лес всё боле
Лист золотой струёю льёт,
Ветр во все концы несёт.

В небо погляди — высоко
Нет, не близко, там далеко,
Плотью пышной облака
Пролетают сквозь века.

А под ними, чуть пониже,
Как страницы древних книжек,
Видишь крылья журавлей,
Что летят на юг скорей?

К нам весною прилетают,
Путь обратный помнят. Знают,
Что есть родина у них,
Здесь с весною ждут родных.

Вот и осень, сжато поле,
Неуютно, как в неволе.
Опустелый замер лес...
И не слышен крик с небес.

г. Москва